

средневековых и раннемоде­р­ных городов позволяет исследовать и другие стороны городской жизни, в частности, межнациональные и правовые аспекты.

⁶¹ См.: *Kiryk F. Z. badań nad urbanizacją Lubelszczyzny w dobie Jagiellońskiej // Rocznik Naukowo-Dydaktyczny.*

Prace Historyczne. Z. 43. Kraków, 1972. S. 118–119. См. также: *Гошко Т. Д.* Правовая локация городов Украины XIV–XVI веков : локационные привилегии // *История и историческая память.* Вып. 4. Саратов, 2011. С. 13.

⁶² *Маловичко С.* Указ. соч.

УДК: 94(420)»1702/1744»+930

ЭДВАРД ХАЙД, ГРАФ КЛА­РЕН­ДОН, И ЕГО «ИСТОРИЯ МЯТЕЖА» В ВОСПРИЯТИИ АНГЛИЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

С. М. Морозов

Саратовский государственный университет
E-mail: tenros@nextmail.ru

В статье репрезентируются основные модели восприятия английскими интел­лектуалами первой половины XVIII века выпущенной в 1702–1704 гг. книги графа Кларендона «История мятежа и гражданских войн в Англии», а также восстанавливаются эстетический и политический контексты, обуславливающие такое восприятие. Особое внимание уделяется ревизионистской концепции Джона Олдмиксона и её критике со стороны его оппонентов.

Ключевые слова: XVIII век, Англия, Джон Олдмиксон, «История мятежа и гражданских войн в Англии», спор о древних и новых, фальсификация истории, Эдвард Хайд, граф Кларендон

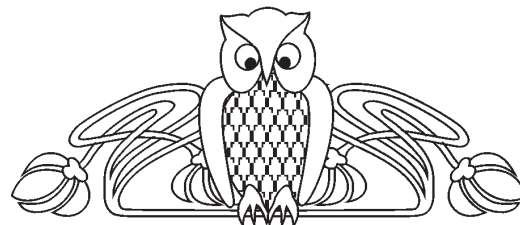
Edward Hyde, Earl of Clarendon, and his «History of the Rebellion» in the Opinion of English Intellectuals of the First Half of 18th Century

S. M. Morozov

The paper represents principal points of view on Edward Hyde, Earl of Clarendon, and his «History of the rebellion and Civil wars in England» (1702–1704), expressed by English intellectuals of the first half of the 18th century. It also reconstructs aesthetical and political contexts which brought up these notions. Special attention is paid to Mr. Oldmixon's revisionist conception on this «History» and its criticism by his opponents.

Key words: XVIIIth century, England, John Oldmixon, «History of the rebellion and Civil wars in England», quarrel of the ancients and the moderns, historical revisionism, Edward Hyde, Earl of Clarendon.

В год 1702 в университете Оксфорда были опубликованы первые тома классического произведения английской историографии «История мятежа и гражданских войн в Англии». Её автор, Эдвард Хайд, получивший в 1661 г. титул графа Кларендона, как он сам представлял себя на первых страницах своего сочинения, был не самым «некомпетентным человеком» в отношении той темы, которую он взял на себя смелость описать: он «присутствовал в качестве члена парламента на собраниях, предшествовавших мятежническому расколу, а после этого имел честь быть подле двух великих королей и даже заручиться

некоторым доверием с их стороны»¹. В 1646 г., находясь на о. Джерси, куда он прибыл вместе с принцем Уэльским, Хайд начал писать свой монументальный труд, но в 1648 г. оставил это занятие и отправился во Францию ко двору давно покинувшего Джерси принца Уэльского². В 1658 г. он был назначен лорд-канцлером. После восстановления в Англии династии Стюартов в 1660 г. он возглавил правительство и стал одной из наиболее влиятельных фигур первых семи лет правления Карла II. Многим он казался всемогущим³. ореол власти, образовавшийся вокруг Хайда, был настолько мощным, что в итоге погубил своего обладателя: в бедах, настигших Англию в середине 60-х, обвиняли его. Объявленный в парламенте государственным изменником, он, спасаясь ареста, бежал во Францию, где в практически полной изоляции от друзей и родственников провёл последние годы своей жизни.

В 1671 г. он получил от навесившего его сына, Л. Хайда, неоконченную рукопись своего исторического сочинения, которое теперь намеривался завершить. Он объединил текст рукописи с только что написанной им автобиографией и дописал некоторые эпизоды, закончив работу к июню 1762 г.⁴ Через два с половиной года Кларендон скончался. По завещанию все его рукописи перешли в полное распоряжение двух старших сыновей, Генри и Лоуренса Хайдов⁵. Прошло ещё 27 лет, прежде чем Л. Хайд, граф Рочестер, решил опубликовать сочинение своего отца. За эти годы кардинально изменился статус Кларендона. Из лорд-канцлера, обвинённого в государственной измене и бежавшего от правосудия, он превратился в дедушку двух английских королей, Марии II (1689–1694 гг.) и Анны (1702–1714 гг.), рождённых от брака его дочери Анны с герцогом Йоркским, будущим Яковом II.

По замыслу Рочестера, сочинение Кларендона должно было стать инструментом торийской пропаганды и представлять торийскую версию истории XVII века⁶. Нужный ракурс восприятия «Истории мятежа» призваны были задать обширное предуведомление к первому тому и посвящения королеве, открывающие второй и третий том. Во введении к первому тому Рочестер прежде

всего предостерегает читателя от сопротивления законной власти, указывая на катастрофические последствия, к которым оно может привести⁷. И лишь после этого длинного предостережения он переходит к представлению публике автора книги, которого описывает как великого государственно-го деятеля, чьими усилиями стране удалось вырваться из хаоса междоусобицы и восстановить порядок⁸. Далее Рочестер предпринимает попытку реабилитировать своего отца, объявляя его безвинной жертвой придворных интриг⁹. Рочестер приложил немало усилий, чтобы представить работу своего отца в качестве политического манифеста. Однако едва ли это ему удалось.

Сразу после выхода «История» Кларендона оказалась в центре дискуссии, но отнюдь не политической. Умы многих интеллектуалов в начале XVIII века занимал «спор о древних и новых», начало которому в Англии положило эссе У. Темпла (1628–1699 гг.) «О древнем и новом знании» (1689 г.), в котором утверждалось, что все нынешние открытия меркнут перед достижениями античности¹⁰. Один из тезисов Темпла был следующим: ни один современный историк не может тягаться с историками прошлого¹¹. Темпл полагал, что только древние смогли найти верное соотношение стиля и содержания, позволяющее создавать совершенные сочинения, объединявшие красноречие и личный опыт автора. Он утверждал, что из классических историй можно почерпнуть модели управления и законодательства, а потому они являлись (и являются) наилучшими руководствами для государственного деятеля. Лучшие же современные истории – это те, которые в наибольшей степени подражают древним историческим сочинениям, пусть даже они никогда и не смогут сравниться с ними¹².

В 1694 г. молодой эрудит У. Уоттон (1666–1727 гг.) ответил на это эссе книгой «Размышления о древнем и новом знании»¹³. Оппонируя тезисам Темпла, Уоттон должен был обнаружить контраргумент и относительно историков. К 1694 г. он нашёл два исторических сочинения, способных, на его взгляд, сравниться с произведениями античных авторов: это были «Мемуары» Филиппа де Коммина и «История совета Трента» Паоло Сарпи, выбранные на основе критериев, взятых у Полибия¹⁴. Контраргумент Уоттона не показался Темплу убедительным: ни «Мемуары», ни «История совета Трента» не являлись «историями» в его понимании, поскольку не освещали великих событий и не представляли собой образца блестящего стиля¹⁵.

Выход в свет «Истории мятежа» Кларендона стал поворотным событием в той его части диспута, что относилась к историописанию. Уоттон тут же использовал эту книгу как аргумент в споре с последователями Темпла (сам Темпл скончался в 1699 г., т. е. ещё до публикации «Истории»). В третьем издании (1705 г.) своих «Размышлений» Уоттон утверждал, что «История» Кларендона

затмила произведения и Коммина, и Сарпи, и даже превзошла многие сочинения древних¹⁶. Он восхищался «Историей мятежа»: события, описанные Кларендоном, были бесспорно значительными и грандиозными, повествование – увлекательным, выводы – серьёзными и назидательными, а стиль – блестящим. В книге нашлось место и битвам, и переговорам, и, самое главное, людям, чьи характеры были столь живо и беспристрастно описаны Кларендоном. Будущие поколения, по мнению Уоттона, непременно признают эту книгу образцовым сочинением, равным наиболее известным классическим историям, как по своему содержанию, так и изяществу слога¹⁷.

Невозможно сказать, согласился ли Темпл с такой оценкой «Истории мятежа», но его последователи признали непреходящую значимость сочинения Кларендона. Так, У. Кеннет, писавший последний том для задуманного Темплом коллективного исторического сочинения «Полная история Англии», взял за основу своей работы «Историю мятежа», автора которой он назвал «единственным английским историком, которого следует помнить»¹⁸. А секретарь У. Темпла, Д. Свифт, хотя так и не высказал своего мнения об этой книге, однако перечитывал её неоднократно, оставляя многочисленные маргиналии на полях¹⁹.

Критерии оценки исторического сочинения были сходными как у сторонников «старых», так и сторонников «новых». И те и другие ориентировались на античные образцы и полагали, что историческое сочинение должно нести читателю мораль, пример, урок и назидание, что одной из его функций является воспитание политического деятеля и гражданина. И те и другие признавали ценность личного опыта историка. Успех Кларендона был связан со следованием тем же классическим канонам. Одной из целей его сочинения, как это убедительно показал Р. У. Харрис, было написание такой книги, которая бы соответствовала уровню, достигнутому прилежно изучаемыми им историческими сочинениями Тацита, Ливия, Плутарха, Цицерона и Макиавелли²⁰.

С тех же позиций «Историю» Кларендона воспринимали и остальные первые её читатели. Приём, оказанный книге, был восторженным. Произведение Кларендона, воплощавшее классический идеал поучительного и размышляющего историописания, основанного на личном опыте причастного государственными делам человека, было обречено на успех²¹. В хоре зазвучавших в начале столетия восхищённых похвалительных речей в адрес Кларендона-историка невозможно расслышать критических замечаний. С. Пипс (1633–1703 гг.), один из первых её читателей, летом 1702 г. писал Г. Хайду, сыну Кларендона, унаследовавшему отцовский титул: «Мой лорд, уже трижды я прочитал “Историю” Вашего почтенного отца, моего лорд-канцлера Кларендона, и я уверяю Вас, что в четвёртый раз я прочитаю её с тем же аппетитом, что и в первый»²². Друг Пипс

са, Джон Эвелин (1620–1706 гг.), писал ему в письме от 20 января 1703 г.: «Я не могу не поделиться с Вами тем невероятным удовольствием, которое испытал при чтении «Истории мятежа» прежнего лорда Кларендона, сочинения столь прекрасного, столь неожиданно изящно написанного, как будто бы его рукой водил сам Полибий...; характеры правдивы..., и они выведены такими естественными и живыми штрихами, что становится ясно: Его Светлость не только хорошо знал внешнюю сторону этих людей, но и саму их сущность»²³.

Антиквар Р. Тосби в 1706 г. пишет в своём дневнике: «Я просмотрел три тома “Истории” лорда Кларендона, написанных с похвальной свободой, дающих ключ ко многим событиям той эпохи, чего не встретишь в книгах обычных авторов»²⁴. Тосби также хвалит работу за подробно описанные характеры участников тех событий, хотя и отмечает, что автор пренебрёг пресвитерианами: не уделил им внимания, соответствующего тому вкладу, который они внесли в события великой революции²⁵.

Г. Фелтон (1679–1740 гг.), священник и учёный, в своей книге «Диссертация о чтении классиков и формировании стиля» (1709 г.) называет Кларендона «благороднейшим и наиболее беспристрастным историком, принадлежащим нашему народу»²⁶. Как и прочие первые читатели, Фелтон обращает внимание на глубину содержания и изящество слога: «читая, мы чувствуем, что написанное исходило из самого сердца, тревожимого глубочайшими чувствами и свежими впечатлениями от совершаемых злодеяний, повергавших его в скорбь. Я не знаю того, кто мог бы сравниться с ним в массивности и торжественности его стиля, силе и чистоте слога, красоте и величественности выражения»²⁷.

Отзыв амстердамского теолога Ж. Леклерка разросся до целой книги, по большей части, правда, пересказывающей «Историю», но также содержащей во вступительной части небольшой критический анализ. Подобно своим английским современникам, Леклерк выражает своё восхищение изяществу стиля, точности и глубине исторических портретов, не уступающих, по его мнению, портретным характеристикам в произведениях Гая Саллюстия Криспа²⁸. Но также Леклерк отмечает эгоцентризм автора и односторонность его книги, порой напоминающей скорее мемуары, чем всеохватное историческое сочинение²⁹. Однако, сопоставив «Историю» Кларендона с мемуарами Лудлоу, Леклерк приходит к выводу, что очевидная пристрастность Кларендона несколько не отразилась на отображении фактов³⁰.

Чуть более сильный акцент на политической пристрастности автора «Истории мятежа и гражданских войн» сделал полтора десятилетия спустя Поль де Рапин (1661–1725 гг.). В изданной в 1724 г. в Гааге многотомной «Истории Англии» он отметил, что работа Кларендона создаёт такое впечатление, будто она писалась лишь с целью

оправдать поведение и поступки Карла I³¹. И главным недостатком книги Рапин называет очевидность намерений автора, которая ставит под сомнения некоторые его утверждения. Рапин также упрекает Хайда во враждебности к шотландцам и пресвитерианам, однако в целом он называет его исторический труд блестящим³².

Первые читатели «Истории мятежа» были восхищены этой книгой. Даже те, кто находил в ней определённые недостатки, соглашались с тем, что работа превосходна. Редкий читатель не отмечал стилистического мастерства автора и великолепия созданных им психологических портретов. Многие помещали книгу рядом с историческими сочинениями античности. На политические смыслы, заложенные в работе или приписанные ей введением графа Рочестера, кажется, никто не обращал внимание. Даже те, кто отмечал предвзятость авторской позиции, скорее выражали досаду по поводу отсутствия в «Истории» ряда сюжетов.

Однако по мере шествия времени накапливался критический импульс, мощным взрывом вырвавшийся на свободу в ревизионистских сочинениях Джона Олдмиксона (1673–1742 гг.), пламенного виги. В серии книг, анонимно опубликованных в период с 1624 по 1630 г., Олдмиксон попытался опровергнуть читательские «мифы», отрицавшие вокруг «Истории мятежа». Он отрицает точность портретных характеристик, определяя их как «неправдоподобные»³³. Стиль «Истории мятежа» он называет «менее всего подходящим для исторического сочинения»³⁴. Олдмиксон указывает на то, что «История мятежа», на его взгляд, определённо проигрывает сочинениям Лукиана, а потому не может идти ни в какое сравнение с историями «древних»³⁵.

Общая характеристика, которой награждает Олдмиксон «Историю мятежа», предельно критична: «Профессора истории едва ли смогут назвать хотя бы одно достоинство исторического сочинения лорда Кларендона. Его метод (точнее, его отсутствие) рыхлый и непостоянный. Стиль витиеватый и манерный. Факты искажены. Описанные характеры придуманы и неестественны. Язык изысканный, но было бы ошибочно полагать, будто тот, кто красиво говорит, непременно будет замечательным историком»³⁶.

Ревизии подвергся и образ Кларендона-политика. В «Сравнении Кларендона и Уайтлока» он характеризует Кларендона как консерватора, врага конституции, циничного коррупционера, государственного преступника, чьи действия на посту лорд-канцлера привели зачастую к катастрофическим последствиям³⁷.

Однако кроме попытки ревизионистского поворота в восприятии «Истории мятежа», Олдмиксон также осуществляет другое, более важное действие: он погружает сочинение Кларендона в актуально-политический контекст, возможно впервые после написания графом Рочестером

предисловия. Олдмиксон принимает изложенную в предисловии интерпретацию книги и на этом основании обвиняет Кларендона в идеологической пристрастности и намеренной фальсификации фактов в целях торийской пропаганды³⁸. Во всех книгах своего «ревизионистского цикла» Олдмиксон указывает на ошибки в сочинении Кларендона, которые он обнаруживает при сравнении «Истории мятежа» с работами Уайтлока и Лудлоу. Собственно, и критика стиля, которым написана книга, нацелена не только на разрушение образа Кларендона-стилиста, но и на обнаружение механизмов фальсификации: усложнённые и перегруженные предложения, по мысли Олдмиксона, должны были запутать читателя, дабы он не заметил подтасовки фактов.

Олдмиксон, хотя и воспринимал Кларендона как жуткого консерватора и врага конституции, по-видимому, осознавал анахроничность собственного обвинения: Кларендон никак не мог быть тори в том смысле, в каком это слово употреблялось в 20-х гг. XVIII столетия. И тогда он делает скандальное заявление: фальсифицирующая факты «История» Кларендона сама была частично сфальсифицирована. С этого утверждения он начинает свою «Критическую историю Англии», обвиняя во внесении правок в оригинальный манускрипт оксфордских издателей³⁹. То же утверждение можно обнаружить и на первых страницах «Сравнения Кларендона и Уайтлока»⁴⁰, где также в качестве организаторов этой фальсификации указываются церковники-якобиты, которые решили использовать сочинение Кларендона в своих политических целях (главной из которых, по мнению Олдмиксона, является установление королевско-церковной диктатуры)⁴¹.

Наконец, в «Истории Англии в правление королевского дома Стюартов» Олдмиксон уже прямо называет заказчиков и авторов подделки: ссылаясь на полученное им письмо (отправитель остаётся неназванным), он утверждает, что правки в оригинальный манускрипт внёс поэт Эдмунд Смит, как он сам якобы признался незадолго до смерти, по наущению и под руководством трёх епископов: Олдрича, Смолдриджа и Аттербёри⁴².

Двое из трёх обвиняемых к тому времени уже умерли, а Ф. Аттербёри доживал свои дни в изгнании во Франции в связи с неудачной попыткой организации якобитского заговора⁴³. Это обстоятельство подтверждало выявленный Олдмиксоном в «Истории мятежа» якобитский дискурс, в то время как предполагаемая причастность к фальсификации Э. Смита, которого великий литературный критик XVIII в. С. Джонсон причислил к числу наиболее выдающихся английских поэтов, объясняла стилистическое совершенство правок, неотличимых от текста оригинала⁴⁴.

Публикация «Истории Англии в правление королевского дома Стюартов» вызвала мощную волну критических откликов⁴⁵. Коллективными усилиями удалось опровергнуть предложенную

Олдмиксоном теорию заговора и даже проследить становление этой теории. Выяснилось, что письмо с указанием имён фальсификаторов было написано Д. Дюккеттом (1634–1732 гг.), известным вигийским политиком и публицистом, в чьём имении скончался Э. Смит⁴⁶. Так и осталось неизвестным, действительно ли Смит оклеветал трёх епископов или же это Дюккетт выдумал всю эту историю, однако в контексте работ Олдмиксона теория заговора выглядела очень эффектно⁴⁷. Спекулировавшая на репутации Аттербёри, теория переносила негативные коннотации, связанные с его именем, на книгу Кларендона. В результате можно было рассчитывать на дискредитацию «Истории мятежа» как исторического нарратива и обезвреживание распознанного в ней Олдмиксоном идеологического заряда, который, учитывая мощь самого произведения, мог бы существенно повлиять на нарастающее в это время противостояние вигийской и торийской точек зрения на историю⁴⁸.

Однако все аргументы Олдмиксона были опровергнуты. Обвинения, содержащиеся в опубликованном им письме, не имели никакого фактического основания. Лишь один из трёх обвиняемых был причастен к подготовке рукописи графа Кларендона к изданию: Генри Олдрич, декан Крайст-Чёрч в университете Оксфорда. Он и епископ Спрат подготавливали манускрипт к публикации по просьбе Л. Хайда, графа Рочестера, принимавшего активное участие в работе⁴⁹. Хотя ни одного из перечисленных издателей «Истории мятежа» к тому времени не было в живых, соответствие опубликованной книги оригинальной рукописи подтвердил мистер Томас Хирн, составивший именной указатель к первому изданию. Он также привёл более весомый аргумент, чем собственное свидетельство: рукопись хранится в Бодлианской библиотеке, и каждый может прийти туда и сравнить печатный текст с оригиналом⁵⁰. Финальным аккордом защиты «Истории мятежа» от нападок Олдмиксона стала серия статей Джона Бёртона, опубликованных в 1732–1733 гг. в «Weekly Miscellany», а впоследствии выпущенных отдельной книгой. Бёртон свёл вместе все аргументы противников Олдмиксона, а также провёл своё собственное исследование по истории написания и публикации книги, результатом которого стал неоспоримый вывод: текст опубликованной книги целиком и полностью был написан Э. Хайдом. Наряду с доказательством подлинности «Истории мятежа» Бёртон также взялся защитить репутацию её автора. Бёртон рисует портрет выдающегося и мудрого государственного деятеля эпохи Реставрации, сумевшего найти необходимый баланс между королевской властью и свободой подданных⁵¹. После работ Бёртона ни у кого не осталось сомнений в подлинности «Истории мятежа» и невинности Аттербёри, Смолдриджа и Олдрича⁵². Даже Олдмиксон согласился с аргументами Бёртона и возложил всю ответственность за свои утверждения относительно подлинности

«Истории мятежа» на уже покойного к тому времени мистера Дюккетта⁵³.

«История мятежа» графа Кларендона была защищена от клеветы, её историческая ценность – подтверждена, а репутация Кларендона – восстановлена. Однако её актуально-политическое значение постепенно исчерпывалось. Олдмиксон был одним из немногих, кто пытался доказать важность сочинения Хайда для текущего дня. Его предшественники, как мы увидели, не наполняли неподвижный каркас текста политическими коннотациями. Они вычитывали в нём актуализированный спором о древних и новых литературно-эстетический слой, рассматривали его с точки зрения соответствия античным канонам. Критики же Олдмиксона не только восстанавливали доверие к «Истории мятежа», но и деполитизировали её, исключали из поля актуальных значений. С течением времени всё очевиднее становилось, что «История мятежа» принадлежит прошлому. Каденции Кларендона, как выразился Д. Г. А. Покок, всё больше напоминали старинную музыку⁵⁴. Хотя значение «Истории мятежа» не подвергалось сомнению, новое время диктовало новые каноны историописания, с позиции которых предстояло заново переосмыслить исторические события XVII в. и роль графа Кларендона в них.

Примечания

- 1 *Clarendon E. H.* History of the rebellion and Civil wars in England to which is added an historical view of the affairs of Ireland : in 8 vol. Vol. 1. Oxford : Clarendon Press, 1826. P. 4.
- 2 *Firth C. H.* Clarendon's «History of the Rebellion» : Part I. The original «History» // The English Historical Review. 1903. Vol. 19, № 73. P. 26–54.
- 3 Например, см.: *Hutchinson L.* Memoirs of the life of Colonel Hutchinson... L., 1848. P. 448.
- 4 *Firth C. H.* Edward Hyde, Earl of Clarendon as statesman historian and chancellor of the University : a lecture delivered on February 18, 1909. Oxford : Clarendon Press, 1909. P. 19–20; *Firth C. H.* Clarendon's «History of the Rebellion»: Part III. The «History of Rebellion» // The English Historical Review. 1904. Vol. 19, № 75. P. 468.
- 5 *Lister T. H.* Life and administration of Edward, first earl of Clarendon... : in 3 vol. Vol. 2. L., 1838. P. 489.
- 6 *Harris R. W.* Clarendon and the English Revolution. Stanford University Press, 1983. P. 417; *Richardson R. C.* The Debate on the English Revolution. Manchester : Manchester University Press, 1998. P. 41.
- 7 *Clarendon E. H.* Op. cit. P. 4–17.
- 8 Ibid. P. 18–21.
- 9 Ibid. P. 21–29.
- 10 *Temple W.* The works of Sir William Temple : in 4 vol. Vol. 3. L., 1770. P. 430–472.
- 11 Ibid. P. 461.
- 12 *Levine J. M.* The Battle of the Books : History and Literature in the Augustan Age. L., Ithaca : Cornell University Press, 1994. P. 40.
- 13 *Wotton W.* Reflections Upon Ancient and Modern Learning. L., 1694.
- 14 Ibid. P. 42–45.
- 15 *Temple W.* Op. cit. P. 488–489.
- 16 *Levine J. M.* Op. cit. P. 44.
- 17 Ibid.
- 18 Ibid. P. 318.
- 19 *Williams H. H.* Dean Swift's library, with a facsimile of the original sale catalogue, and some account of two manuscript lists of his books. Cambridge : Cambridge University Press, 1932. P. 18, 52–53.
- 20 *Harris R. W.* Op. cit. P. 418.
- 21 *O'Brien K.* History and literature 1660–1780 // The Cambridge History of English Literature, 1660–1780 / ed. by J. Richetti. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. P. 369–370.
- 22 *Pepys S.* Diary and correspondence of Samuel Pepys, F.R.S., secretary to the Admiralty of Charles II and James II / ed. by A. Smith : in 4 vol. Vol. 4. Boston ; N.Y. P. 304.
- 23 Ibid. P. 314.
- 24 *Thoresby R.* The diary of Ralph Thoresby, F.R.S., author of the Topography of Leeds :. In 2 vol. Vol. 1. L., 1830. P. 467.
- 25 Ibid.
- 26 *Felton H.* A dissertation on reading the classics and forming a just style : Written in the year 1709 and addressed to the Right Honourable, John Lord Roos, the present marquis of Granby. L., 1713. P. 204.
- 27 Ibid. P. 204–205.
- 28 *Clerc Le J.* Mr. Le Clerc's Account of the Earl of Clarendon's History. L., 1710. P. 7–8.
- 29 Ibid. P. 3–5.
- 30 Ibid. P. 6–7.
- 31 *Rapin P.* The History of England : As Well Ecclesiastical as Civil. Vol. XIII. L., 1731. P. 394.
- 32 Ibid.
- 33 *Oldmixon J.* The Critical History of England, Ecclesiastical and Civil... L., 1728. P. 148.
- 34 *Oldmixon J.* Clarendon and Whitlock compar'd... L., 1727. P. X.
- 35 Ibid. P. XII.
- 36 Ibid. P. XXXIX.
- 37 Ibid. P. XXVI–XXXVII. Также см.: *Oldmixon J.* The Critical History of England. P. 194–195; *Oldmixon J.* The history of England, during the reigns of the royal house of Stuart... L., 1730. P. 507.
- 38 Например, см.: *Oldmixon J.* Clarendon and Whitlock compar'd. P. VII.
- 39 *Oldmixon J.* The Critical History of England. P. X, 149.
- 40 *Oldmixon J.* Clarendon and Whitlock compar'd. P. VI.
- 41 Ibid. P. XXII–XXX.
- 42 *Oldmixon J.* The history of England, during the reigns of the royal house of Stuart. P. IX.
- 43 См.: *Beeching H. C.* Francis Atterbury. L., 1909.
- 44 *Johnson S.* The lives of the most eminent English poets; with critical observations on their works : in 4 vol. Vol. 2. L., 1783. P. 215–255.

- ⁴⁵ Remarks upon a scandalous book; The Clarendon-family Vindicated; *Atterbury F.* Bishop Atterbury's Vindication of Bp. Smallridge, Dr. Aldrich, and Himself... L., 1733; *Burton J.* The Genuineness of Lord Clarendon's History of the Rebellion printed in Oxford, vindicated. Mr. Oldmixon's Slander confuted. Oxford, 1744.
- ⁴⁶ Ibid. P. 5; The Clarendon-family Vindicated. P. 1–4.
- ⁴⁷ *Burton J.* The Genuineness of Lord Clarendon's History. P. 145–146.
- ⁴⁸ *Richardson R. C.* Op. cit. P. 47–48.
- ⁴⁹ The Clarendon-family Vindicated. P. 13–14. Также см.: *Atterbury F.* Op. cit.
- ⁵⁰ The Clarendon-family Vindicated. P. 23.
- ⁵¹ *Burton J.* The Genuineness of Lord Clarendon's History. P. 103–118.
- ⁵² *Johnson S.* Op. cit. P. 248.
- ⁵³ *Burton J.* The Genuineness of Lord Clarendon's History. P. 141–148.
- ⁵⁴ *Pocock J. G. A.* Barbarism and Religion. Vol. 2 : Narratives of Civil Government. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 172.

УДК 94 (4)

«КАЗАКИ» И АНТИРУССКАЯ НАПОЛЕОНОВСКАЯ ПРОПАГАНДА В 1814 ГОДУ

А. В. Гладышев

Саратовский государственный университет
E-mail: Gladav2002@mail.ru

В статье рассматривается один из эпизодов истории наполеоновской пропаганды – использование образа «казака-варвара» в антирусской риторике в ходе военной кампании 1814 г. во Франции.

Ключевые слова: Наполеон, кампания 1814 г. во Франции, антирусская пропаганда, казаки.

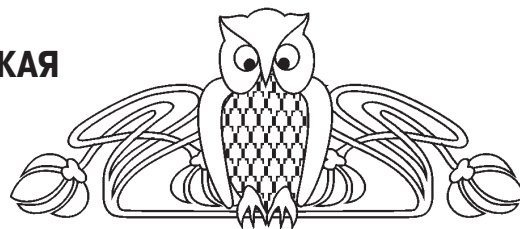
«Cossacks» and Anti-russian Napoleonic Propagation in 1814 year

A. V. Gladishev

In article is considered one of episodes of history of Napoleonic propagation – use of an image of «Cossack-barbarian» in the anti-Russian rhetoric during military campaign of 1814 in France.

Key words: Napoleon, campaign of 1814 in France, anti-Russian propagation, cossacks.

Первый консул, а потом император Наполеон был одним из первых государственных деятелей, не просто понимавших необходимость целенаправленного воздействия на общественное мнение, но и блестяще это осуществлявших. История использования Наполеоном пропаганды – яркий пример того, что в наполеонистике еще есть малоизученные области, утверждал не так давно Уэйн Хенли¹. Конечно, и у «малоисследованной» темы есть своя историография. О Наполеоне как о выдающемся «мастере по связям с общественностью» писал Холтман, акцентировавший личные усилия Бонапарта². По его мнению, талант Бонапарта, и как пропагандиста-организатора, и как пропагандиста – непосредственного исполнителя, особенно наглядно проявился в его взаимоотношениях с прессой³. С разных сторон проблемы манипулирования Наполеоном массовым сознанием касались Ж. Тюлар, А. Собуль, М. Рейнар. Но авторы, как правило, предпочитали писать

картину наполеоновской пропаганды вообще или, например, пропаганды в изобразительном искусстве, так сказать, широкими мазками, охватывая весь период Империи, а то и Революции. Таких детальных исследований, как У. Хенли о генезисе наполеоновской пропаганды, очень мало. Исследователи стремились создать батальные полотна «войны перьев», и до таких частных сюжетов, как образ казака в наполеоновской пропаганде зимы 1814 г., не доходили руки.

Военная кампания зимы 1814 г., как и предыдущие наполеоновские войны, сопровождалась активной пропагандой. Союзное командование выпускало и распространяло среди населения Франции различные прокламации, имеющие целью убедить обывателей в миролюбивости и умеренности их авторов. Наполеоновские власти старались всеми правдами и (главным образом) неправдами возбудить через прессу у населения ненависть к захватчикам.

В своей антирусской пропаганде, сопровождавшей зимнюю военную кампанию 1814 г., наполеоновское правительство особенно акцентировало тему «варварства», олицетворением которого должны были стать «казаки». Война с Россией представлялась как война цивилизованного мира и нецивилизованного.

При этом лекала, по которым в ходе зимней кампании кроился образ казака-дикаря и почти людоеда, были готовы уже к началу 1814 г., смутный, неосознанный архитипический страх перед нашествием «азиатов» или «варваров севера» уже поселился в душах французов. Именно на этом страхе и рассчитывал сыграть Наполеон, полагая, что французская нация «подвержена быстрому восприятию» и отличается «живым воображением и сильным выражением чувств». 4 января 1814 г. император писал своему министру иностранных